

АЛЕКСАНДР КАРЕЛИН

РЕГИСТАН

ГДЕ-ТО РЯДОМ

ГОРЯЧИЕ
ТОЧКИ

ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ ПРОЗА

25-летию
ВЫВОДА
СОВЕТСКОГО
КОНТИНГЕНТА
ПОСВЯЩАЕТСЯ

Горячие точки. Документальная проза

Александр Карелин

Регистан где-то рядом (сборник)

«Центрполиграф»

2014

Карелин А. П.

Регистан где-то рядом (сборник) / А. П. Карелин —
«Центрполиграф», 2014 — (Горячие точки. Документальная
проза)

Война – явление многогранное, включающее в себя не только сражения и военные действия. Прежде всего это люди, оказавшиеся вовлеченными в происходящее. И не всегда на поле брани. Герои произведения Александра Карелина – не только солдаты и офицеры стрелкового батальона, но и военные медики. Вашему вниманию предлагается сборник из семи рассказов и трех повестей, объединенных общими персонажами из числа сотрудников Отдельной медицинской роты Кандагара. Это повествование о службе, о жизни во всех ее проявлениях, о человеческой природе на войне.

© Карелин А. П., 2014

© Центрполиграф, 2014

Содержание

Об авторе	5
От автора	6
Рассказы	7
Прогулка на вертолете	7
«Я видел тот свет...»	23
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Александр Карелин

Регистан где-то рядом. Документальная проза. Повести и рассказы

Об авторе

*Посвящается всем, прошедшим Афган...
К 30-летию ввода войск в эту страну*

Карелин Александр Петрович.

Подполковник медицинской службы. В 1982–1984 годах участвовал в боевых действиях в Афганистане. В январе 1984 года получил ранение. Награжден орденом Красной Звезды, медалью «За отвагу», а также медалями демократической республики Афганистан.

После ранения продолжил службу в Свердловске (Екатеринбурге), в 1984 году уволился с военной службы. Много лет преподавал в учебно-методическом центре МЧС Свердловской области.

От автора

«Строительство стены памяти». Именно так хотелось бы мне обозначить свое писательство. Каждый рассказ, статья, повесть, как отдельные «кирпичики», выстраивают общее строение. Это повествование о жизни в Афганистане, о службе, о друзьях, о преодолении трудностей в течение 1982–1984 годов. В данном случае предпринята попытка объединить разрозненные части в единое целое, построить хотя бы «часть стены».

Вашему вниманию предлагаются семь рассказов и три повести. Они размещены в соответствии с хронологией событий и объединены общими персонажами из числа сотрудников Отдельной Медицинской роты Кандагара, включая ординатора операционно-перевязочного отделения старшего лейтенанта Александра Невского.

Рассказы

Прогулка на вертолете

*Если вы ничего не скажете,
Вас не попросят повторить это.*

К. Кулидж

1

– Ну, что ты уперся? Я вообще не понимаю, в чем проблема. Работа его, видите ли, держит. Ничего не случится с твоими ранеными. Вернешься и перевяжешь или перевязочная сестра сама справится. Эка невидаль – через трубку промыть рану. Ну, некого мне больше послать! Я сам обычно летал без всяких проблем, но сейчас меня, сраного провизора, поставили над вами, умниками-врачами, руководить. Думаешь легко быть начмедом бригады? Я здесь нужен. Я бы мог и не спрашивать твоего согласия, а просто приказать и все! Получишь две канистры спирту, привезешь. Между прочим, ваше хирургическое отделение больше всего и выписывает спирт! Это будет простая прогулка на вертолете. Еще и Шинданд посмотришь.

Разговор происходил в приемном отделении Кандагарской Отдельной медроты между капитаном Канюком, начальником медицинского снабжения и ординатором операционно-перевязочного отделения старшим лейтенантом Невским.

Сам Александр Невский около четырех недель, как приехал по замене из Союза, очень тяжело перенес акклиматизацию – сразу с прохладного Урала окунулся в июньскую жару, когда столбик в тени показывал более 50 градусов, а на солнце – все 70! (Проводили специально опыт с термометром). Он сменил старшего лейтенанта Володю Бардина, прослужившего, как и его товарищи, 2,5 года. Сменщики других хирургов не спешили, ребята нервничали, так как время поджимало – все трое поступали в Военно-медицинскую академию, в Ленинграде. В порядке исключения им тоже разрешили убыть до 1 июля. С ними уехал ведущий хирург и он же – начальник отделения. Другой хирург, старший ординатор Николай Сергеев, был еще в отпуске. Невский остался один на один с целым отделением хирургических больных. Правда, имелся еще один хирург, начальник приемного отделения, капитан Васильчиков, но он никогда не появлялся в отделении, оправдываясь большой занятостью. Невский «разрывался на части». А сейчас ему предлагалось все бросить и лететь в соседнюю провинцию на центральный медсклад за медикаментами.

– В общем, ты понял? Берешь сейчас в аптеке все бумаги, рецепты, накладные, собираешься и «дуешь» на аэродром, я распорядился насчет «УАЗика». На все про все у тебя полчаса. Вертолет уже стоит готовый, с тобой еще полетят офицеры штаба, еще «Военторг» и т. д. – капитан явно наслаждался высокой должностью, пусть и временной.

Это был сухощавый, среднего роста человек в возрасте под сорок. Короткие, прилизанные волосы, испитое оплывшее лицо, бесцветные «рыбьи» глаза, маленький тонкогубый рот (он напоминал Невскому куриную гузку). Около месяца Канюк исполнял обязанности начальника медицинской службы бригады (удивительно, кто до этого додумался?). Настоящий начмед погиб во время рейда – пуля снайпера попала прямо в середину лба капитана. Ждали нового начальника, а он все не ехал.

Проводя свои совещания, Владимир Канюк любил заниматься самоуничтожением, постоянно употребляя в свой адрес: «неуч», «сранный провизор», «безбашенный офицер», «ничтоже-

ство в погонах». Но именно в его «царствование» офицеры-медики подверглись самым тяжелым притеснениям. Он стал требовать участия офицеров-медиков во всех общих построениях Кандагарской бригады (прежний начмед добился от командира бригады послабления: выходили только утром и вечером на всеобщую поверку), теперь число построений достигало четырех и более (перед обедом, после обеда, иногда и перед ужином). Некогда было заниматься больными. Врачи роптали, всю ненавидя «временщика», который отыгрывался за откровенное пренебрежение к нему в прошлом.

Командир медроты майор Базарбеков «лежал» на должности с тех пор, как проводил своих товарищей по службе поступать в Медицинскую академию (вместе прослужили здесь уже 2,5 года). Его заменщик где-то задерживался. Базарбеков тоже требовал от руководства отпустить его в Союз, как и хирургов. Но его рапорты оставались без ответов. Тогда он объявил «бойкот», целыми днями лежал в своей комнате на кровати, отказывался приходить на совещания. Первые дни командир бригады присылал за «мятежным» руководителем посыльных, но потом махнул на него рукой. Канюк теперь «тянул ляжку» и за командира медроты.

– Ясен приказ? – Канюк сурово сдвинул свои белесые бровки.

– Так точно, товарищ капитан! – Невский преувеличенно громко прокричал, одернув белый халат и став по стойке «смирно», поднеся к белой больничной шапочке руку. – Разрешите выполнять?

Капитан махнул рукой и, сгорбившись, пошел в стационар.

Невский взглянул на часы – время поджимало. Сначала забежал в аптеку, потом переоделся в полевую форму, пистолет ПМ сунул в кобуру, достал из-под кровати свой личный автомат Калашникова укороченный (АКСУ). Оружие, как и его предшественники, он хранил в своей комнате вместе со снаряженными магазинами (поговаривали, что скоро всех заставят сдать личное оружие в оружейные комнаты). Бронежилет решил не брать – тяжело, да и жарко очень. Бросил в портфель фляжку с водой, пачку печенья и подходящую книжку – рассказы Чехова (сколько себя помнил, читать любил всегда. Вот и по прибытии в бригаду в первые же дни записался в библиотеку: выбор книг в ней неожиданно оказался очень богатым). Машина у входа уже стояла. Старший лейтенант лишь заскочил в стационар предупредить старшую медсестру. Через пару минут санитарный автомобиль уносил его в аэропорт Кандагара Ариану.

2

Автомобиль выехал за полосатый шлагбаум КПП, часовой в каске и в бронежилете на голом торсе помахал им вслед автоматом, что-то прокричал вслед, слов уже было не разобрать. Водитель прибавил газу. Поднимая тучи мелкой пыли, машина понеслась по асфальтированной дороге. Проехали мимо пятиэтажных многоквартирных домов на 5–6 подъездов. Оконные рамы в домах отсутствовали – проемы были завешаны разноцветными тряпками, развевающимися на ветру. Напротив каждого подъезда стоял деревянный туалет.

– Что это за чудеса строительства? – спросил Невский у водителя, черноволосого парня с Кавказа.

– Вы еще не такие чудеса здесь увидите, товарищ старший лейтенант. Дома для «бабаев» построили, а нет ни воды, ни канализации. Удобства все во дворе, сами видели. Потом очень жарко в таких домах, я как-то заходил. Вот «обезьяны» и отказываются там жить, почти пустые дома.

Вдоль дороги попала стайка афганских ребятишек лет трех-четырёх, почти все – абсолютно голые. Густое облако пыли от автомобиля накрыло их, но почти никто даже не шелхнулся, лишь 2–3 пацаненка немного пробежали за машиной.

Машина выехала на прямую шоссеиную трассу. Водитель увеличил скорость. По обеим сторонам дороги расстился однообразный, почти пустынный пейзаж. Лишь редкие чахлые

деревца росли вдоль дороги. От яркого солнца Невский надвинул панаму на глаза. Он задумался о предстоящем полете.

Не то, чтобы он боялся летать на вертолете. Просто раньше ему никогда не приходилось подниматься на борт этой «стрекозы». Он вспомнил, как в начале 60-х годов впервые увидел летающее чудо. Их семья жила тогда в Иркутской области в небольшом рабочем поселке «Красный забойщик», недалеко от Черемхово. Здесь жили в основном шахтеры, добывающие уголь открытым способом из карьеров.

Небывалые лесные пожары обрушились летом на прилегающий к поселку лес. Его тушили тракторами и бульдозерами, пробивая просеки и выкапывая рвы. Но в самую гущу огня сбрасывали на парашютах пожарных, потом их собирали на опушках леса и вывозили на вертолетах. Один такой вертолет с огнеборцами приземлился на окраине поселка.

Еще до посадки «вертушки» сотни людей побежали посмотреть на диковинку. Жители поселка плотным кольцом окружили «птичку», больше всего было здесь детворы – еще бы, практически никто никогда не видел вертолет «вживую». Мальчишки во все глаза смотрели на чумазых людей в ярких костюмах, выходящих из чрева летающего чуда. Каждому хотелось хотя бы потрогать машину. Летчики сначала отгоняли назойливых пацанов, потом махнули рукой. Невский тоже потрогал теплый, как показалось, живой бок металлической «стрекозы». Все они, и пожарные, и летчики со своей необыкновенной машиной, казались ему выходцами с другой планеты.

Кое-кто из взрослых прихватил с собой бидоны с квасом, с водой, хлеб, овощи. Угощали своих спасителей. Пожар потушили, не дали перекинуться огню на жилые дома.

Прошло много лет, но Невский всегда испытывал к тем вертолетчикам безмерное чувство благодарности. И вот теперь ему впервые предстояло подняться на борт уже в качестве пассажира. «Только бы не сдрейфить, не опозориться перед бывалыми людьми», – поймал себя на мысли старший лейтенант.

Автомобиль промчался мимо здания аэропорта, поражавшего своей архитектурой. Современный дизайн, стекло и бетон, девять огромных «яйцевидных» зданий, примыкающих друг к другу, множество небольших прилегающих зданий. Явно строили европейцы. Около трех недель назад, когда Невский впервые прилетел сюда на самолете, он толком и не рассмотрел, не оценил красоту Арианы.

Водитель лихо затормозил у стоявшего неподалеку большого вертолета с длинными, «печально» опущенными лопастями. Небольшая группа людей в военной и гражданской одежде разместилась в тени у вертолета. Невский вылез из кабины, попрощался с водителем, прихватил свой автомат, портфель и направился к вертолету. Старшим в группе оказался подполковник, плотный крепыш со щеточкой усов и полным ртом золотых зубов. Невский представился.

– А, медицина пожаловала. Садись, места много, – небрежно кивнул офицер. – Ждем боевой вертолет сопровождения.

Невский присел в тень, осмотрелся. Он вспомнил, что старшим является замкомандира бригады по тылу. Кроме него были еще два майора и лейтенант с медицинскими эмблемами. Тут же сидели две женщины. Один из майоров с летными петлицами неторопливо рассказывал женщинам:

– Это десантно-транспортный вертолет МИ-6, он предназначен для десантирования солдат до 40 человек за рейс, а также для перевозки грузов до 12 т внутри грузовой кабины. Может нести груз и на внешней подвеске. Наконец, может быть переоборудован под топливозаправщик. Вооружение вертолета состоит из одного крупнокалиберного пулемета с боекомплектom в 250 патронов.

– А этого хватит, чтобы нам отбиться? – тонким голосом спросила хрупкая, миловидная девушка в джинсах и белой футболке.

– Не волнуйтесь, Машенька, отобьемся, – это говорю вам я, майор Кремер Эдуард. – Тем более что нас будет сопровождать транспортно-боевой вертолет МИ-8мт. Он как раз предназначен для уничтожения наземных целей. Вооружения там достаточно, не буду вам забивать головы перечислением. А вы туда и обратно летите?

– Нет, я только в одну сторону, возвращаюсь в свой медсанбат, работаю там в терапии сестрой. Была здесь месяц в командировке в госпитале.

– Вот вы мне и подскажите, как добраться до войсковой части, я потом вам ее назову, – явно оживился красавчик майор. – Я тоже лечу в одну сторону.

Невский разговорился с лейтенантом. Оказалось, что он, хотя и носит медицинские эмблемы, является ветеринаром Кандагарской бригады, летит за результатами анализов. Он тут же пояснил, что отвечает за здоровье собак-саперов, а, кроме того, проводит анализы всех поступающих мясных туш на выявление опасных заболеваний. Мясо идет в пищу людей и собак тоже.

– А я думал здесь только тушенка используется, – уди вился старший лейтенант.

Ветеринар снисходительно улыбнулся: «Ты, наверное, только из Союза? Большие начальники „свежатинку“ любят на шашлычки пожарить. Я уже второй год служу, всякого насмотрелся». Он тут же представился: «Виктор Гавриловский». Невский назвал себя.

3

Минут через 20 показалась группа людей в летных комбинезонах и в стальных защитных шлемах. Они, не спеша, подошли к вертолету, поздоровались. Каждый член экипажа был вооружен пистолетом («Чтобы застрелиться», – вспомнил Невский «черную шутку» в ответ на его вопрос о необходимости пистолета для него) и укороченным автоматом Калашникова.

– Поехали! – сказал старший по возрасту, видимо, командир экипажа. – Сопровождение дали, взлетят сразу за нами.

Он первым вошел в салон, за ним потянулись остальные. Невский почувствовал благоговейный трепет, ступив на борт «большой стрекозы». Его поразили размеры салона. Все расселись по обе стороны на ближайших к кабине летчиков скамейках у иллюминаторов.

Как ни старался Александр заметить момент взлета – не удалось. Когда в очередной раз взглянул в круглое «окошечко», земля уже стремительно начала удаляться. Шум в салоне не давал спокойно поговорить, поэтому все замолчали.

Невский достал из портфеля книжку рассказов Чехова, но никак не мог настроиться на чтение – рой мыслей одолевал его. Вот он и совершил свой первый в жизни полет на вертолете, ничем вроде не выдал своего волнения. Это хорошо!

... – Санька, просыпайся, сейчас будем садиться. – Виктор Гавриловский тряс старшего лейтенанта за плечо.

Александр ошалело смотрел вокруг, силясь понять, где находится.

– Какой сон мне прервал! – пробурчал Невский, недовольно морщась.

– Поди, с красоткой встречался? – Виктор подмигнул. – Ничего, еще встретишься с ней снова.

В салоне царил оживление. Вертолет приземлялся на аэродром.

4

Невский последним вышел на твердую землю.

Майор Кремер замешкался у вертолета, укладывая свой рюкзак. Наконец он крикнул в сторону уходящей группы:

– Додул Маша! Подожди! – он побежал догонять тоненькую медсестру, обещавшую помочь в розыске его части.

Невский тоже прибавил шаг, догнал Витю Гавриловского.

– Как мне до медицинского склада гарнизона добраться, в/ч пп 48085, не подскажешь?

– Мы все вместе, наверное, поедem, надо в 5-ю гвардейскую мотострелковую дивизию добраться. Там все рядом расположено.

Вскоре небольшая группа распалась: медсестра Додул и майор-летчик почти сразу уселись в санитарный УАЗ, который быстро укатил в составе двух других машин и БТР. Невский с новым приятелем присели в тени. Вернулся подполковник. Почти сразу за ним подъехал БТР. Золотозубый подполковник, черноусый майор-связист, толстощекая и курносая работница Военторга, а затем лейтенант-ветеринар и старший лейтенант-хирург друг за другом влезли в нутро бронированного транспортера. Выпустив клуб темного дыма, БТР стремительно помчался в военный городок.

Доехали довольно быстро. Водитель «бронированного коня» высадил всех недалеко от здания штаба.

– Внимание! – произнес замкомандира бригады по тылу, отряхивая с себя дорожную пыль. – Встречаемся здесь через 2 часа. Прошу не опаздывать.

Подполковник с женщиной двинулись в сторону штаба, майор пошел в другом направлении, а Невский выслушал объяснения Гавриловского. По его словам выходило, что до медицинского склада рукой подать. Сам он поспешил в ветеринарную лабораторию.

Двигаясь в указанном направлении, подошел к длинному приземистому деревянному зданию. Табличка на дверях подтвердила – здесь находится медицинский склад гарнизона (он снабжал всем необходимым медицинским оборудованием, медикаментами все воинские части гарнизонов Кандагара и Шинданда). Постучав, вошел. Представился. Огромный, лысый старший прапорщик пил чай, намазывая на хлеб толстый слой сливочного масла из металлической банки.

– Кубяк Артур, – представился великан, протянув руку для пожатия. – Чай будешь?

Невский помотал головой.

– Давай свои бумаги, – Артур вытер руки носовым платком, отодвинул продукты в сторону. Углубился в изучение рецептов, заявок, накладных. Периодически кивал, подтверждая наличие.

– А вот этого нет, этого тоже – на днях из Союза привезут. – Он назвал ряд медикаментов. – Ладно, пошли, выдам, что есть.

– Побудь пока здесь, – указал Кубяк на стул, сам углубился в свои стеллажи. Минут через 20 принес пакет с лекарствами. – Есть куда сложить?

– Да, в портфель.

– Проверяй.

Невский стал перекладывать во вместительный портфель пачки лекарств: сердечные, дыхательные аналептики, средства для наркоза, обезболивающие, а также упакованные в плотную бумагу, перевязанные крест-накрест бечевкой и заклеенные бумажкой с круглой печатью наркотики в ампулах и в таблетках. Вроде все самое необходимое было на месте, не хватало второстепенных лекарств. Последними хозяин кабинета принес две десятилитровые канистры со спиртом, их горловины были перевязаны бечевкой, а ее концы приклеены бумагой с печатью.

– Это от искушения, – коротко хохотнув, сказал Кубяк, указывая на печати на канистрах.

– Я догадался, – усмехнулся Невский, расписываясь в книгах получения. Он глянул на раздувшийся портфель, на канистры. Многовато получается. Но делать нечего, надо тащить до штаба.

Вышел на улицу. Яркое солнце «полыхнуло» по глазам, пришлось зажмуриться. После прохлады склада (где работали кондиционеры) показалось особенно жарко. Делая остановки

через каждые полсотни метров, Невский дотащил поклажу до курилки у штаба. Там он нашел майора-связиста с незнакомым капитаном.

– Все получил? – бросил взгляд на канистры связист. – Никак спирт медицинский? Вот гады, так запаковали, что и не отолеешь! – он притворно вздохнул. – Садись, доктор, послушай анекдоты, артиллерист «заливает».

– Да, я только вчера из отпуска вернулся. Житуха в Союзе что надо! Никто не палит из пушек. Не стреляет, первые дни не мог заснуть с непривычки. А, вот еще вспомнил, слушайте: «Открыли в Москве потрясающий огромный магазин по западным образцам. Зашел в него мужчина-интеллигент, встречает его улыбающийся продавец и интересуется, что бы тот хотел приобрести? Мужчина говорит:

– Перчатки.

– Пожалуйста, в пятый отдел.

Пошел в указанный отдел, его спрашивают – перчатки нужны летние или зимние?

– Зимние.

– Тогда пройдите в семнадцатый отдел.

Пошел туда, просит перчатки, его спрашивают – перчатки нужны кожаные или матерчатые?

– Кожаные.

– Тогда вам в сто третий отдел надо. Но перчатки вам нужны под это пальто? Тогда лучше брать не кожаные, а шерстяные, однако...

Тут в магазин врывается мужик, в руках у него вырванный с корнем унитаз, он подбегает к прилавку и кричит:

– Вот такой у меня унитаз, а зад вы мой еще вчера измеряли, дайте мне, наконец, туалетную бумагу!»

Офицеры рассмеялись, причем, рассказчик смеялся громче всех.

– Ладно, хорошо с вами, но мне пора! – отсмеявшись, проговорил артиллерист. – Служба зовет.

Он пожал на прощание руки и быстро удалился.

– Ты не обедал еще? – обратился связист к Невскому. Тот подтвердил. – Иди в офицерскую столовую, я только оттуда. Вот она, – указал на здание неподалеку. – Оставляй поклажу, я покараулю. Я свои полевые радиостанции уже погрузил на машину. Там сейчас подполковник грузится с «Военторгом».

Невский благодарно кивнул, ставя под лавочку канистры и портфель. Пошел в столовую, вдруг ощутив сильный голод.

5

Обед не занял и тридцати минут. Как и в Кандагаре, девушки-официантки обслуживали быстро, разнося стандартный обед: горячие щи, каша гречневая с «красной рыбой» – килькой в томатном соусе («Мировой закусон!» – вспомнилась фраза Аркадия Райкина), компот из сухофруктов. Температура в столовой была «запредельная», так что, выходя на улицу, почувствовал почти прохладу.

На лавочке уже сидели два его попутчика – вернулся лейтенант-ветеринар.

– Получил анализы? – обратился к Гавриловскому Невский. – Нет ни ящера, ни бешенства коров?

– Все нормально, можно жить дальше. Давайте сходим в магазин, я тут по дороге его видел. У меня, правда, с собой мало чеков, но что-нибудь купим. Николай Иванович, вы не желаете прогуляться? – обратился к майору-связисту.

– Идите, ребята. У меня и чеков с собой нет. Да и вещи доктора надо охранять, – с улыбкой показал на портфель и канистры.

– Ладно, мы быстро, – кивнул Виктор, увлекая Невского за собой.

Около сотни чеков Всесоюзного Объединения «Внешпосылторг» (деньги, имеющие хождение в военных гарнизонах Афганистана) у старшего лейтенанта было. Правда, сам он до сих пор не получал денежного содержания из-за дурацкой ошибки в документе. В финчасти по прибытию ему выдали расчетную книжку с фамилией не Невский, а Невских. Александр даже не сразу заметил опisku, хотел даже осторожно исправить, но хватило ума удержаться. На следующий день вновь явился к начфину. Тот пришел в ужас, долго сокрушался, обещал «оторвать голову» писарю. Он объяснил, что потребуется новую книжку из Москвы запрашивать, писать объяснительные, уйдет уйма времени, теперь не раньше конца августа сможет вручить новый документ. Огорошенный Невский поведал о своем прошлом желании исправить самому ошибку. Майор усмехнулся и пояснил, что тогда бы он не получал деньги еще около полу-года, замучился бы писать рапорта. Проще получить новое «Удостоверение личности офицера» с новой фамилией для него, чем другой финансовый документ. На том и расстались. Самое обидное было, что он пока не сможет отправлять деньги своей семье по денежному аттестату. Все офицеры в Афганистане получали по два оклада: один в рублях шел на сберкнижку, часть этих денег и перечислялась семье (обычно на выбор писали: 50/50 или семье 60/40 себе – как хотел Невский), второй оклад выплачивался в чеках. Эти чеки можно было не тратить – ведь проживание, питание, баня и т. д. и т. п. все было бесплатно (коммунизм в чистом виде). Узнав о его проблеме, уезжающие хирурги выделили из своих запасов по несколько десятков чеков. С ними сейчас и пошел Невский в магазин.

Поразило обилие товаров. Глаза разбегались. Магнитолы, магнитофоны, украшения, одежда, посуда, даже ковры. Товары со всего мира. Всевозможные продукты питания. Книги. Они сразу и привлекли внимание Александра. Сколько помнил, они с женой всегда и везде покупали книги. Правда, выбор в городах и гарнизонах, где приходилось служить, был небольшой. Но они упорно собирали семейную библиотеку. Здесь же изобилие хороших книг просто сразило. Для начала Невский купил 2 книги в мягкой обложке из серии «Классики и современники»: рассказы А.И. Куприна и рассказы И.А. Бунина. Цены приятно порадовали своей скромностью. Виктор тоже приобрел книгу Юлиана Семенова. Потом они купили несколько пачек воздушного печенья и по две банки голландского лимонада «Сиси». Покупки сложили в красочные пластиковые пакеты.

На выходе из магазина кто-то окликнул старшего лейтенанта:

– Сашка Невский!

Он оглянулся. Стройная молодая женщина в джинсах и в яркой светлой футболке буквально бросилась к нему из другого конца магазина. Длинные каштановые волосы, широкая белоснежная улыбка, доброжелательный взгляд больших зеленых глаз. Всем своим обликом она излучала жизнелюбие и оптимизм.

– Наташа! Наталья Корюшкина! – сразу вспомнил Александр девушку, с которой вместе учился в медицинском институте первые четыре года.

– Узнал! Узнал, чертяка! А я тебя не сразу признала. Изменился. Повзрослел, возмужал. Усы даже отпустил. Как ты здесь оказался? – Наташка прямо светилась от радости.

– Я-то, положим, стал военным врачом и оказался в Афгане по долгу службы, а вот как ты, сугубо гражданский человек, здесь очутилась? – искренне удивлялся встрече Невский.

Он объяснил Виктору, который топтался рядом, что встретил «однорупницу» по учебе. Тот вежливо кивнул. Потом сказал, что пойдет в курилку, и откланялся молодым людям.

Они вышли вслед, присели на лавочке рядом с входом.

Наташa рассказала, что работала после окончания института хирургом («Так мы коллеги!» – пояснил Невский). Ее вызвали в Военкомат («все-таки я лейтенант запаса») и пред-

ложили («как бессемейной») поехать на стажировку по военной травме в воюющую страну, а потом, возможно, перейти на работу в военный госпиталь. Пока командировка на 3 месяца, а там будет видно. Конечно, она согласилась. Здесь Наталья уже второй месяц в 704-м военном госпитале.

Они вспоминали годы студенчества, то и дело, перебивая друг друга возгласами: «А помнишь!». Было о чем поговорить.

Невский напомнил, что они не виделись с 1976 года, когда он решил стать военным и перевелся после 4-го курса Свердловского мединститута на военно-медицинский факультет в Томск. Рассказал о своей семье, о дочке, что остались его ждать на Южном Урале. Время летело незаметно. Вдруг их радостные разговоры прервал подбежавший Гавриловский:

– Извините, молодые люди, но «труба зовет». Подполковник «рвет и мечет» – ехать пора!

– А ты разве не здесь служишь? – явно огорчилась Наташа.

– Нет, я ведь в Кандагаре сейчас, около месяца, как приехал по замене из Союза. Я напишу тебе на госпиталь письмо. Пока! Будь счастлива и желаю удачно выйти замуж.

Они неуклюже чмокнули друг друга на прощанье. Невский побежал догонять Виктора.

6

Все были уже в сборе. Крытый кузов автомобиля «Урал» почти полностью заполнили ящики, коробки, бочки. Три солдата-грузчика сидели в кузове. БТР стоял рядом.

Подполковник распорядился всем садиться в транспортер, а сам занял место в кабине автомобиля. Майор-связист Нечепа, лейтенант Гавриловский, старший лейтенант Невский со своими канистрами и портфелем влезли внутрь, последней забралась «пышечка» из Военторга.

«Кажется, „золотозубый“ назвал ее Вера Желтушкина», – вспомнил Невский имя дамы.

До аэропорта доехали в один момент, тем более что Александр всю дорогу «прокручивал» в голове разговор с Наташей. Да, это было чудо – встретить здесь, в далекой стране, знакомую.

Бронетранспортер высадил всех у знакомого большого вертолета. Неподалеку стоял и второй вертолет сопровождения. Солдаты переносили из кузова автомобиля грузы в салон МИ-6.

Вскоре к вертолету подошел седой капитан с тремя высокими, крепкими, загоревшими до черноты солдатами (сержант и двое рядовых). Он попросил подполковника подбросить его «орлов» из разведроты в Кандагар.

– Ребята надежные, проверены в бою. Старший – сержант Туров Егор, рядовые Кипнис Геннадий и Толстогузов Алексей. – Солдаты по очереди протягивали свои документы. Подполковник придиричиво их изучал.

– Вот их командировочные документы, – капитан подал бумаги. – Ну, как, договорились?

Подполковник неопределенно качнул головой, потом сказал:

– Надо еще с командиром экипажа согласовать. А они помогут грузы в вертолет забросить?

– Без вопросов, – закивал капитан, улыбаясь. – Так, хлопцы, переходите в подчинение к подполковнику. Сейчас занимаетесь погрузкой. А мне пора. Извините, служба. – Он пожал руку старшему офицеру, коротко козырнул остальным и быстро ушел.

С появлением разведчиков работа пошла веселее. Офицеры тоже взялись носить ящики и коробки. Подполковник в салоне руководил правильностью укладки и закреплением грузов. Спустя 30–40 минут «Урал» опустел. Он тут же укатил. Невский внес в салон свой ценный груз – канистры и портфель с медикаментами. Офицеры, солдаты и единственная дама уселись

в небольшой тени от вертолета. Пот заливал глаза, форма взмокла от работы на жаре. Хоть бы какой-нибудь ветерок. Но воздух не шевелился.

Пришел один из членов экипажа – бортовой техник. Объяснил, что вылет пока задерживают по погодным условиям. Все с изумлением посмотрели на него. Техник пояснил, что в зоне полета начинается песчаная буря.

Невский уже успел познакомиться с этим местным явлением природы. В считанные минуты небо затягивается черными тучами, гремит гром, но на землю не падает ни одной капли дождя – вся влага испаряется еще до земли. Потом налетает сильный ветер, «афганец», как прозвали его воины-интернационалисты. Сплошная стена пыли до небес двигается со скоростью курьерского поезда. Становится темно, как ночью. Важно вовремя укрыться, закрыть нос и рот платком, иначе можно и задохнуться. Чаще всего буря пролетает быстро, а песок потом находят еще долго во всех помещениях и щелях. Спасения от него нет нигде. Всю открытую пищу можно сразу выбрасывать, так как песок будет хрустеть на зубах. После такой бури срочно приходилось проводить генеральную чистку в операционной, хотя, казалось, все окна были плотно закрыты.

Потянулись томительные минуты ожидания. Офицеры коротали время, рассказывая анекдоты. Невский прислушивался в пол-уха, решил все-таки почитать рассказы Чехова (зря, что ли брал с собой). Он потягивал из баночки еще прохладный лимонад.

– Верочка, а что ты для нас везешь в магазин? Может, сейчас и начнешь торговать? – Гавриловский подсел к полной даме.

– У тебя, лейтенант, таких денег не наберется, чтобы купить это, – отрезала Желтушкина, отодвигаясь в сторону.

– Да, ладно! Мы вон с доктором сбросимся, еще ребята добавят, – подмигнул Виктор разведчикам.

Те лишь улыбались. Их можно было принять за родных братьев. Плечистые, высокие, со спокойной уверенностью на лицах. Их внимательные глаза за короткую жизнь повидали уже немало.

Между тем техник начал рассказывать о своих полетах. За неполный год многое изменилось. Катотиков Владимир, так назвался рассказчик, еще застал полеты на предельно малых высотах. С увеличением количества оружия у противника эти высоты стали не безопасны, и количество боевых повреждений вертолетов резко возросло. Пришлось перейти на рабочие высоты порядка 500–700 м. Это несколько снизило количество попаданий пуль и снарядов в вертолеты. Однако уязвимость «стрекоз» продолжает оставаться высокой.

– Самое хреновое, – продолжал невозмутимый рассказ Владимир, – это появление на вооружении душманов ПЗРК (переносной зенитно-ракетный комплекс) «Стрела-2». Теперь, говорят, придется все чаще забираться на большие высоты, вплоть до 1500 м над рельефом местности.

– А что делается для повышения безопасности полетов? – сглотнув комок в горле, спросил подполковник.

– Для защиты вертолетов у нас широко используются экранно-выхлопные устройства, они устанавливаются в соплах двигателей и рассеивают тепловой поток выхлопных газов. Также на вертолетах устанавливают инфракрасные помеховые патроны, которые отстреливаются с заданными интервалами в местах возможного нахождения средств ПВО противника и таким образом «уводят» самонаводящиеся ракеты в сторону от цели, – как на лекции перед студентами проговорил техник.

Было видно, что ему нравится наблюдать за вытянувшимися лицами офицеров. Он взглянул на побледневшее лицо Веры и успокоил:

– Не бойсь! Все будет «вери велл». У нас отличный экипаж, попадали в разные переделки. Но, как видите, я жив и здоров.

У вертолета надолго наступило молчание. Все обдумывали услышанное. Прошло уже не менее часа, а разрешение на вылет все не давали. К соседнему вертолету подошла группа, человек в десять, в полном вооружении. Они тоже разместились в ожидании у винтокрылой машины.

Наконец, спустя еще минут 20, пришли члены экипажа. «Добро» на вылет было получено.

7

На этот раз Невский уловил момент взлета. Вертолет плавно взмыл в воздух, развернулся и начал набирать высоту, перемещаясь по курсу. В иллюминатор было видно второй вертолет, он летел на той же высоте чуть сбоку. Вскоре начался отстрел инфракрасных помеховых патронов. Красивое зрелище! Вертолеты будто бы салютовали друг другу. Насмотревшись на вид из окошечек, пассажиры успокоились, кто-то уже и дремал. Смотреть особенно было не на что: горные вершины, участки пустынь. Очень редко можно было разглядеть зеленые «лоскутки», особенно вдоль немногих рек.

Бортовой техник Катотиков вышел в салон, проверил крепление грузов. Показал большой палец. Прокричал сквозь шум двигателя: «Все нормально! Летим другим маршрутом – севернее Кандагара продолжается пыльная буря, будем облетать по большой кривой, подойдем с юга». Он снова показал большой палец и скрылся в кабине.

Невский достал книжку, незаметно зачитался, изредка посмеиваясь над рассказами Чехова. Техник вскоре появился опять, уселся на свободное место, изредка бросал взгляд в круглое окно. Подполковник и работница Военторга что-то оживленно обсуждали, стараясь говорить прямо в ухо друг друга. Ребята-разведчики спали, привалившись к стенкам грузового салона.

Прошло примерно 40 минут. Сначала старший лейтенант обратил внимание на посторонний звук – показалось, что кто-то бьет железной палкой по металлическим решеткам ограды. Такой же звук донесся со стороны соседнего вертолета. Невский понял – это стреляют из крупнокалиберного пулемета, причем, соседний МИ-8 стрелял по наземной цели. Александр приник к иллюминатору, силясь разглядеть что-нибудь внизу. Пролетали над горной грядой красно-бурых безжизненных скал. На одной из вершин слабо пульсировал огонек. «Стреляют по нашим вертолетам!» – обожгла мысль. Он осторожно потряс за плечо спавшего рядом Гавриловского. Тот мгновенно все понял. Приложил палец к губам, чтобы раньше времени не напугать женщину в салоне. Бортовой техник мгновенно скрылся в кабине. Вскоре начал стрелять и их вертолет. Добавился новый звук: «ИИ-АА, ИИ-АА». Казалось, будто кричит гигантский осел – это боевой вертолет сопровождения начал выпускать НУРСы (неуправляемые реактивные снаряды). Бой с противником разгорался не шуточный.

Все пассажиры салона естественно проснулись. Вера крепко обхватила сидящего рядом подполковника, он пытался вырваться из ее объятий, но тщетно. Сквозь звук стрельбы и рев двигателя в салоне явственно появился протяжный вой – это кричала Желтушкина, обводя всех безумным взглядом.

Невский насчитал внизу уже три пульсирующих точки. Противник явно был настроен на победу. Несколько коробок с грузом покатались по полу – видимо, их плохо закрепили. Одно из деревянных креплений переломилось пополам, возникла угроза обрушения всего штабеля. Разведчики подскочили как раз вовремя. Они перетянули веревки крепления, удержав груз на месте.

В салон вновь выбежал бортовой техник, оставив дверь в кабину открытой. Он направился к грузу. В этот момент что-то застучало по днищу вертолета, а Катотиков упал, как под-

кошенный. Его громкий крик заставил замолчать женщину. На штанине быстро расплзлось красное пятно. Владимир катался по полу от боли.

«Его ранили» – сообразил Невский, бросаясь к технику. Почти одновременно подскочил и Виктор. Вдвоем они удержали кричащего раненого.

– Давай в кабину за аптечкой, – крикнул Александр, пытаясь зажать кровоточащую рану, но кровь вырывалась толчками.

Гавриловский рванул в кабину, через пару минут вернулся с другим летчиком. Тот осмотрел товарища, передал аптечку офицерам, прокричав: «Ребята, помогите Володьке!» – снова убежал в кабину. Невский быстро наложил жгут выше места ранения, кровь перестала пульсировать. Поставил из шприц-тюбика обезболивающее. Наркотик промедол подействовал быстро, раненый перестал кричать. Теперь можно было осмотреть рану. Ножом из аптечки Александр разрезал штанину. Рана была ужасной: сквозное ранение крупнокалиберной пулей раздробило обе кости левой голени, из раны торчали костные отломки, выходное отверстие было примерно 5 на 7 см. Невский поспешно закрыл зияющее отверстие стерильной салфеткой, крепко перебинтовал ногу бинтом. Теперь надо было подумать об иммобилизации шиной.

Между тем с вертолетом творилось что-то неладное. Он начал крутиться вокруг своей оси, усиливая панику в салоне. Женщина уже уселась к подполковнику на колени, крепко обхватив его за шею, он с отчаянным лицом пытался столкнуть ее в сторону. Крик Веры уже перешел в отчаянный визг – так кричат смертельно раненые поросята.

Виктор поднес два подходящих деревянных обломка от крепления, Невский пытался наложить импровизированную шину на ногу раненого, но крутящийся вертолет никак не давал это сделать. Уже и майор Нечепя бросился помогать, правильно поняв намерения офицеров. Разведчики по-прежнему сдерживали своими телами разваливающийся штабель с грузом.

Вертолет начал терять высоту, но еще не падал камнем вниз. Экипаж делал невероятные усилия, чтобы предотвратить катастрофу. Удалось немного выровнять машину в воздухе, она полетела боком, потом зигзагами. Из зоны обстрела уже вырвались, стрельба пулемета прекратилась, стало чуть тише. Вертолет сопровождения еще выпустил несколько залпов НУРС, потом и он прекратил стрелять. А для МИ-6 земля неуклонно приближалась.

Невский с двумя помощниками все-таки наложил шину на ногу, закрепил ее бинтами.

Вбежал один из летчиков и прокричал:

– Пуля пробила главный редуктор. Идем на вынужденную жесткую посадку, берегите головы! – так же стремительно исчез.

Что есть силы Невский одной рукой уцепился за металлическую скамью, а другой удерживал раненого, который впал в забытие. Так же поступил и Гавриловский. А клубок из тел женщины и подполковника в этот момент покатились по полу. Остальные в салоне также ухватились за подходящие части вертолета.

Внезапно стало тихо. Двигатель «стрельнул» пару раз и затих. Почти сразу чудовищный удар о землю опрокинул всех в салоне. Люди покатались, сталкиваясь друг с другом, ударяясь о стены винтокрылой машины, ящики с грузом также разлетелись по салону, травмируя людей. «Стрекоза» пропахала по земле несколько метров и уткнулась носом, слегка запрокинув хвост, в песчаный холм. Он и спас вертолет от опрокидывания. В последний момент Невский все-таки ударился головой об острый край скамейки, рассадив кожу на лбу. Кровь мгновенно залила глаза. Пришлось зажимать рану носовым платком. Люди в салоне начали шевелиться, поднимать головы. К счастью все были живы. Начался взаимный осмотр. Подполковник от удара потерял 4 передних золотых зуба. Теперь он растерянно ползал на коленях, пытаясь найти пропажу. Вера трясла ушибленную руку, тихонько поскуливая. Нечепя, видимо, сломал левую руку в лучезапястном суставе: она быстро начала опухать. Виктор сильно ушиб грудь и болезненно кашлял. Ребята из разведки, похоже, отделались легкими травмами. Раненый был без сознания, но шина на ноге удержалась, так что болевого шока быть не должно.

Из кабины выбирались летчики. Им приходилось подниматься вверх из-за наклона машины. Летчики были в порядке, если не считать ушибов. Командир приказал всем срочно покинуть борт. Он открыл дверь вертолета. Помог вынести раненого, потом помог выйти смертельно бледной женщине. Один за другим выпрыгнули все остальные на твердую землю. Ноги Невского подкашивались. Сильно болела ушибленная голова. Остальные пострадавшие испытывали не меньшие страдания.

Гавриловский, сдерживая кашель, перевязал рану на голове Невского, тот, в свою очередь, наложил тугую повязку на левую руку майора, подвесил руку на перевязи из бинта на шею. Раненый пришел в себя, его напоили из фляжки. Все проверили личное оружие. Пора было разбираться в обстановке.

8

Благодаря мастерству летчиков машина смогла перевалить через гористую цепь и дотянула до пустынной местности, упав где-то на территории пустыни Регистан. Вертолет уткнулся в один из немногочисленных холмов. А в основном, это была ровное, покрытое щебнем и песком безжизненное пространство. Жар пустыни ощутился сразу – было впечатление, что сидишь перед открытой дверцей пышущей огнем печью. Люди растерянно оглядывались по сторонам, пытаясь осознать произошедшее. Высоко в небе парил второй вертолет. Они не одиноки, их спасут – такие мысли, видимо, мелькали в головах многих. Пострадавшие разом заговорили, загалдели, кто-то истерически смеялся. Пережитый стресс «выходил» из людей. Стоя на твердой земле, они начали ощущать безопасность.

Летчики занялись осмотром своей «раненой птички». Разведчики отправились осматривать окрестности. Невский вновь занялся раненым. Кровотечения не было, но долго жгут на такой жаре нельзя оставлять на ноге – требовалась срочная операция. Он написал на листочке время, когда наложил жгут (прошло примерно 20 минут, а казалось, минула целая вечность), всунул бумажку за край жгута. Итак, у них есть чуть больше часа, чтобы переправить пострадавшего врачам, иначе придется потом ампутировать ногу.

– А почему нас не подберет второй вертолет? – громко, ни к кому не обращаясь, спросила Вера. Она уже пришла в себя, из глаз исчез смертельный ужас.

– Этот вертолет – гарантия нашей безопасности, он должен хорошенько разобраться в обстановке, вызвать помощь, к тому же у них там все места заняты, мы туда никак не поместимся. А что с грузом делать, бросать? – ответил за всех майор Нечепя, «укачивая» пострадавшую руку.

Вернулись разведчики Туров и Кипнис, лица у них были сосредоточенные. Они что-то негромко доложили подполковнику, который никак не мог успокоиться из-за потери зубов. Тот изменился в лице, потом прокричал:

– А почему я все должен решать? Кроме меня еще есть офицеры! У меня в вертолете груз ценный, я о нем должен беспокоиться. – Он тут же залез в салон для осмотра ящиков и коробок.

Туров в недоумении пожал плечами, потом вместе с напарником подошел к Нечепе, Гавриловскому и Невскому.

– Товарищ майор! Мы обнаружили на расстоянии около 1–1,5 км от нас большой караван, они двигаются в нашу сторону. Я оставил наблюдателя. Какие будут указания? Вы старший по званию после подполковника, летчиков я пока не считаю – они занимаются вертолетом. Думаю, нам стоит приготовиться к обороне.

Нечепя сразу преобразился. Забыв о больной руке, он распорядился всем приготовиться к обороне. Послал Кипниса предупредить летчиков, а сам с Туровым поспешил к наблюдателю

Толстогузову. Невский и Гавриловский, подхватив автоматы, двинулись следом. Уходя, Александр поручил Вере заботиться о раненом.

Они прошли метров 50, поднялись на небольшой пригорок. Оказалось, что вертолет упал на небольшой «пяточок» – возвышающееся плато среди низины. Им открылся вид далеко вокруг. Действительно, большой караван верблюдов двигался по пустыне, оставляя длинный след пыли. Офицеры залегли небольшой цепью, наблюдая со своего небольшого возвышения. Позиция была выигрышная.

Между тем караван начал сбиваться в кучу. Забегали человеческие фигурки. Потом явственно образовалась цепочка людей, двинувшихся в их сторону. Стало ясно, что их падение заметили, а это явно караван с оружием, идущий из Пакистана. Такие караваны, как правило, хорошо охраняются. Вот боевики из охраны и двинулись за легкой добычей. Об этом негромко сообщил Нечепа.

Офицеры передернули затворы автоматов, по два магазина с патронами было у каждого (магазины были соединены друг с другом изолентой – это изобретение широко внедрилось в Афганистане, в бою проще было перезаряжать).

Вернулся Кипнис с одним из летчиков, капитаном Горбрых Кириллом (так представился офицер), голубоглазым блондином. Тот сообщил, что удалось починить рацию, связаться с вертолетом МИ-8. Те уже запросили помощь, скоро здесь будет пара боевых вертолетов МИ-24, а пока он сам будет защищать их от боевиков. Есть, правда, опасение, что в караване окажутся ПЗРК, но это маловероятно. Затем вертолет сопровождения высадит на ближайшем блокпосту своих пассажиров на борту и вернется за ними. Так что им остается продержаться недолго.

Невский переместился за камень покрупнее, оказавшись ближе к Егору Турову. Он забыл, какова дальность стрельбы из своего короткоствольного автомата (у всех офицеров, включая вертолетчика, были АКСУ, лишь разведчики были вооружены автоматами АК-74, с длинным стволом), спросил об этом у Егора. Тот сразу оживился. Начал рассказывать, как на экзамене, любовно поглаживая свое оружие с присоединенным подствольным гранатометом. Выяснилось, что у его «Калашникова» начальная скорость пули 900 м/с, патрон 5,45 × 39 мм, прицельная дальность 1000 м, темп стрельбы 60 выстрелов в минуту, длина автомата с прикинутым штыком и откинутым прикладом 1089 мм. Оружие офицеров «похуже»: под тот же патрон, начальная скорость пули 840 м/с, прицельная дальность до 500 м, длина автомата со сложенным прикладом 586 мм.

Наступающая цепочка быстро приближалась, вот фонтанчики пыли стали возникать перед позицией обороняющихся.

«Это стреляют по нам! Они хотят нас убить!?» – эта мысль забила в голове Невского. Ладони мгновенно стали влажными.

– Подпустим поближе. Стрелять по моей команде! – прокричал майор.

Невский выбрал цель прямо перед собой: чернобородый в развевающейся накидке и темной чалме. Он передвигался перебежками, залегая и стреляя из автомата.

Опыт стрельбы Невский имел большой – несколько лет еще в школе посещал стрелковую секцию, правда, стреляли из спортивных малокалиберных винтовок и пистолетов, даже получил разряд по стрельбе. Став офицером, несколько раз стрелял из пистолета Макарова. Но из автомата пока не приходилось.

– Пли! – как выстрел, раздалась команда.

Короткими очередями разведчики и офицеры начали стрелять. Несколько наступающих упали, в том числе и «цель» Невского. В пылу боя он даже не успел подумать, что, возможно, лишил жизни человека.

Цепь залегла, отстреливаясь. Тут в бой вступил вертолет. С высоты его полета ударили пулеметы, полетели НУРСы. Взрывы снарядов возникли прямо в гуще неприятеля. Куски окровавленных тел разлетались над пустыней. Вертолет пронесся над противником, стал раз-

ворачиваться на второй заход. Он очень вовремя выпустил инфракрасные помеховые патроны, потому что со стороны каравана был произведен пуск ракеты «Стрела-2». Вертолет совершил умелый маневр, и ракета ушла в сторону.

Офицеры радостно закричали. Наступающие начали отбегать назад к оставленному каравану. А вскоре в небе показались два МИ-24, они сразу начали стрелять и посылать ракеты по каравану. Грохот стоял невероятный. Все вскочили в полный рост, стреляли и кричали от возбуждения. Они победили. Они все живы. Помощь уже близка. Боевые вертолеты на разных высотах кружили над полем схватки, изредка постреливая. Никто не заметил, как исчез их вертолет сопровождения.

Разгоряченные боем люди расселись в кружок, закурили, все еще переживая «охотничий азарт». Для Невского и Гавриловского это был первый реальный бой. Вскоре стрельба прекратилась. Наступила поразительная тишина. Все смотрели, как остатки каравана поспешно уходят в сторону. Вертолеты не стали их добивать. Сейчас важнее было вывести людей и грузы. Оставив наблюдателем Геннадия Кипниса, все вернулись к своему вертолету. Подполковник, пряча глаза, поздравил всех с победой. Желтушкина сидела с раненым, держа его за руку – он непрерывно стонал – действие наркотика заканчивалось.

9

Вертолет сопровождения вернулся довольно скоро. Он аккуратно опустился рядом со своим «сородичем», завис на небольшой высоте. Из открытой двери выпрыгнули лейтенант и два солдата в бронежилетах и полном боевом вооружении – они останутся охранять поврежденную винтокрылую машину. В прилетевший вертолет поспешно погрузили раненого, переложив его на носилки. Солдаты помогли забраться в салон женщине, потом сели офицеры. Последними на борт впрыгнули разведчики. Невский хотел захватить канистры со спиртом, но ему даже портфель запретили брать. Как объяснили летчики, остающиеся со своей разбитой машиной, все будет позже переправлено следующими рейсами. Главное – спасти людей.

После большого вертолета салон МИ-8 показался сравнительно маленьким. Все расселись у иллюминаторов, раненый лежал на носилках на полу. Время поджимало – его надо быстро оперировать. Машина дернулась, подпрыгнула и стремительно начала набирать высоту. Их сопровождал теперь боевой вертолет МИ-24, второй остался дежурить в небе.

Невский постарался собраться с мыслями. Так много событий за один день! Если так и дальше пойдет служба в Афгане, то будет что вспомнить на старости лет. «Если останусь в живых», – мелькнуло в голове. «Человек не просто смертен, но смертен внезапно», – вспомнилась мысль кого-то из писателей. Да, они могли разбиться на вертолете, их могли убить душманы в этом бою. Но все обошлось, значит, есть у каждого свой Ангел-хранитель. Будем и дальше надеяться на помощь...

...Вертолет приземлился рядом со зданием аэропорта. Тут же подъехал санитарный автомобиль, раненого перенесли в машину, она быстро умчалась. Все вышли на свежий воздух. Небо казалось особенно голубым, солнце – особенно ярким. Жизнь продолжается!

Подполковник, стыдливо прикрывая ладошкой потерю зубов, распорядился никуда не расходиться, а сам торопливо ушел. Все сели около у вертолета. Страшная усталость навалилась на людей, хотелось уснуть.

Подъехал БТР-60, на броне, опустив ноги в люк, сидел подполковник. Он распорядился всем садиться внутрь. В салоне бронированной машины многие сразу задремали и даже не заметили, как оказались в расположении Кандагарской бригады. У штаба все вышли из БТР. Зам. по тылу бригады объявил, что завтра после построения бригады, то есть часов в 8 утра, БТР отвезет всех, у кого остались грузы на вертолете в аэропорт.

– Ждать никого не будем, – сурово объявил он. Сухо попрощался со всеми и ушел вместе с Верой.

Офицеры обнялись на прощание с каждым из разведчиков (те здорово выручили сегодня). Ребята смущенно отмахивались от похвал. Козырнув, они ушли в свою разведроту. Невский попрощался с Виктором Гавриловским – тот не оставил в вертолете ничего, а с Нечепой сговорились встретиться утром. Офицеры разошлись.

Уже начало темнеть, когда Невский с окровавленной повязкой на голове, смертельно уставший, явился на доклад к капитану Канюку. Тот долго выпучивал глаза, стараясь понять смысл слов – он уже много «залил за воротник», ничего не соображал. Потом попросил доложить все завтра утром. Невский вышел.

Дежурная медсестра сняла у него пропитанную кровью повязку. Долго охала-ахала, смазывая йодом подсохшую рану, залепила ее полоской лейкопластыря. Спустя несколько минут Невский уже спал в своей комнате.

10

Рано утром в комнату вбежал взбешенный Канюк. Он требовал срочно передать ему две канистры со спиртом и лекарства, включая наркотики. Невский спокойно и тихо голосом рассказал о вчерашнем происшествии. Капитан долго ругался, бегая по комнате, разбудил других ребят.

– Ничего нельзя никому поручить! Просто сборище идиотов, а не врачи! Простое задание не смог выполнить! – он пнул ногой дверь и выбежал в коридор.

Володя Амурский (анестезиолог) и Саша Тамару (начальник аптеки), попросили объяснить, что произошло. Вчера они не могли добиться от него ни слова. Пришлось рассказать вкратце.

– Ну, и дела! – только и смогли они выдать из себя в заключение.

В 8 часов Невский уже был у штаба. Поздоровался с Нечепой. Рука у того болела уже меньше, но все же стоило сделать рентген в госпитале. На том и порешили. Пришел подполковник со своей неизменной спутницей Желтушкиной. Он кивнул офицерам, Вера даже не удостоила их взглядом.

На БТР быстро доехали до городка вертолетчиков. Подполковник убежал, долго выяснял судьбу груза. Вернулся, молча влез на броню, поехали на летное поле. Остановились у одного из больших МИ-6. Вылезли. Группа летчиков и техников работала у машины. В салоне Невский нашел свой портфель, с волнением открыл. Все наркотики и лекарства были на месте, книги тоже. Не хватало лишь пачек с печеньем. Он улыбнулся с облегчением. Нашлась одна канистра со спиртом, печать была на месте. Вторую канистру найти не удалось. На все расспросы летчики недоуменно пожимали плечами. Грузились уже вечером. Могли и не заметить впопыхах. Поврежденный вертолет пришлось взорвать. Невский доложил подполковнику о недостатке. Тот раздраженно оборвал, что это мелочь по сравнению с его потерями. Какими, он не стал уточнять. «Впишешь в акт списания, я буду составлять», – буркнул он. Нечепа все свои радиостанции нашел в целостности и сохранности. Работница Военторга требовала создать комиссию по инвентаризации груза.

Невский спросил у летчиков о состоянии здоровья Катотикова.

– Володьки? – переспросил невысокий офицер. – Все хорошо, вовремя доставили, ногу врачи сохранили. Все будет нормально, обещали, – он широко улыбнулся.

Александр понял, что делать ему здесь больше нечего. Он подхватил свой портфель, канистру и забрался в БТР. Чуть позже к нему присоединился Нечепа. Подполковник разрешил отвезти их в бригаду, они с Желтушкиной пока остаются.

Бронированный транспортер повез их домой. Невский вспомнил надпись на памятнике погибшим летчикам (он прогуливался по территории, пока ждал майора):

Слава Вам, Храбрые! Слава, Бесстрашные!
Вечную славу поет Вам народ...
Доблестно Жившие, смерть Сокрушившие,
Память о Вас НИКОГДА НЕ УМРЕТ!

«Я видел тот свет...»

«Всем смертям назло...»

К. Симонов

1

Было еще совсем темно, когда колонна начала выдвигаться из расположения 70-й отдельной мотострелковой бригады. Грохот танковых двигателей, рев машин, едкие запахи выхлопных газов, крики людей – все это перемешалось в причудливый «коктейль». Начинался боевой рейд. Подавляющее большинство военных покидали на неделю свой обжитый военный городок. Место Автоперевязочной (АП-2, на базе ГАЗ-66) было определено еще накануне вечером при выстраивании колонны. Впрочем, водитель уже не первый раз выезжал «на боевые», действовал уверенно, заняв место за названным бронетранспортером. Совсем другое дело – сосед водителя по кабине. Это был первый рейд старшего лейтенанта медицинской службы. Все было совершенно необычно и ново для него. Смотрел во все глаза, хотя в свете притушенных фар не очень-то было видно.

Еще несколько дней назад, в начале августа, состоялось совещание со всеми врачами Отдельной медицинской роты Кандагарской бригады. На совещании, которое открыл исполняющий обязанности начальника медицинской службы капитан Канюк, присутствовали и врачи из госпиталя (два хирурга и начальник медицинской части). За несколько лет сложилась своеобразная традиция взаимопомощи между врачами госпиталя и медроты: на место выбывших госпитальных специалистов (отпуск, болезнь) прибывали врачи из бригады. При тяжелых случаях ранений приезжали на помощь врачи из госпиталя.

На совещании решался вопрос о медицинском обеспечении боевого рейда, который обещал быть трудным. Проблема состояла в практически полном обновлении хирургов в медроты – прежние еще в начале июля уехали в Союз поступать в Военно-медицинскую академию, завершив службу в 2,5 года, даже не дождавшись замены (время поступления поджимало). Старший лейтенант Невский еще успел застать «старичков», а потом несколько недель «тянул лямку» в одиночестве. В конце июля приехал один, а в начале августа – другой хирург, заполнив, наконец, должности начальника операционно-перевязочного отделения и начальника медицинского взвода – ведущего хирурга. Невский вздохнул свободно – все-таки не один теперь хирург на всех раненых (тем более что скоро должен был вернуться из отпуска еще опытный хирург, имеющий большой опыт работы в Афгане).

Новички только начали проходить процесс акклиматизации. Это очень тяжелый период для каждого, кто приезжал по замене в жаркие летние месяцы. Особенно страдал сейчас ведущий хирург капитан Александр Голущенко. Его полное тело буквально «плавилось» от изнуряющей августовской духоты. За неполные две недели он потерял уже около 20 килограммов, продолжал худеть и дальше, из него как будто «выпускали воздух». Ни о какой поездке в рейд для него не могло быть и речи. Начальник отделения не пробыл в Афгане и 5 дней, на все смотрел удивленными глазами, охал и ахал от жары. Отпускник, старший лейтенант Николай Сергеев, прибудет буквально за день-два до начала рейда. Его тоже нельзя сразу посылать на боевую операцию.

Проанализировав ситуацию, и. о. начальника медслужбы бригады остановил свой выбор на Невском – уже полтора месяца в Афганистане. Старший лейтенант не возражал, спокойно выслушал решение начальства. Надо когда-то начинать. Начальник медицинской части госпи-

таля высказал сомнение – нет опыта оказания медицинской помощи в боевых условиях, справится ли? Может, лучше отправить хирурга из госпиталя?

– Справится! – уверенно заявил Канюк. – Он уже в середине июля показал чего стоит, когда летал в Шинданд, а на обратном пути оказался в сбитом вертолете. Там и помощь раненым оказывал, и повоевать успел!

– А так это и был ваш Невский? Наслышан об этой истории. Молодец, коли так! – подполковник из госпиталя успокоился.

Таким образом, решение было принято. Невский стал готовить Автоперевязочную к боевой операции. Загружал перевязочные материалы, медикаменты, носилки и т. д. Особенно спросить было не у кого, полагался на собственное усмотрение. Кто его знает, что еще может понадобиться для оказания помощи. Не хотелось, чтобы в первом рейде не нашлось необходимых средств для раненых. Заполнил машину под «завязку».

Обрадовался Александр Невский, когда за два дня до выезда ему назначили в помощники фельдшера, сержанта Славу Табачникова. Тот имел высшее образование, окончил ветеринарный институт, но из-за отсутствия военной кафедры, его призвали по окончании вуза на два года солдатом. После небольшого ранения Слава попал на лечение в медроту, где его знания и умения оценили и после выздоровления перевели на должность фельдшера. Последние полгода он так и служил в операционно-перевязочном отделении, неоднократно выезжал за это время и в рейды, иногда даже без офицеров. Прислушиваясь к советам опытного Табачникова, старший лейтенант выгрузил из машины лишнее. Теперь он явно приободрился – успел хорошо познакомиться с сержантом за неполные два месяца совместной работы (даже тот помогал при операциях), оценил его добрый и веселый нрав. Будет с кем посоветоваться в трудную минуту.

За день до начала боевой операции командир Кандагарской бригады, высокий, спортивного телосложения подполковник собрал всех офицеров подразделений для постановки задач. Звучали непривычные для уха Невского названия населенных пунктов: Зангабад, Базарча, Нагахан и др.

Когда комбриг попросил офицеров высказаться, один из командиров батальонов возразил, что при такой постановке задачи потеряет много своих бойцов. Неприятно пора зил ответ подполковника:

– Меня не интересует количество потерь! Ты мне, комбат, выполни приказ, а там посмотрим...

В зале клуба, где проходило совещание, наступила напряженная тишина. Стало понятно, что командир бригады настроен на решение задач любой ценой. Невскому заранее стало жалко обреченных солдат.

– Да, а кто у нас от медиков? – спохватился подполковник. Невский встал, назвал себя. – Твое место, старлей, со своей машиной при движении в колонне недалеко от меня. Начальник штаба укажет точнее. Вопросы есть? – вопросов не было. Невскому разрешили сесть.

Выход назначили на 3 часа 10 августа. Совещание закончилось.

2

Старший лейтенант занял место в кабине рядом с черноглазым весельчаком-водителем, с шикарными черными усами, – необходимым атрибутом каждого выходца с Кавказа. По его совету он повесил свой бронежилет на дверцу машины – будет дополнительная защита в случае обстрела колонны (оказалось, что так делают практически все при движении в колонне в обычных автомобилях). В лучшем положении оказались едущие на БТР – все-таки броня, есть броня.

Колонна, как толстая гигантская змея, выползала из расположения части. Оставалось только довериться судьбе. Преодолев ухабы и ямы, машина вырвалась на бетонированную

дорогу. Скорость возросла. Постепенно волнение улеглось. Невский даже начал «клевать носом» – сказывалась бессонная ночь (подремать удалось лишь сидя пару часов в машине, уже с 23 часов стояли в готовности к выезду).

Проснулся от необычной тишины. Машина стояла. Наступил рассвет, солнце пока еще не показалось, но было видно все. Вернулся водитель, молча уселся рядом.

– Ну, что там, Рустам? Почему стоим?

– Вся колонна стоит при входе в Кандагар. Ждем разрешения на проезд через город. Скоро поедем, – он сладко зевнул и надвинул панаму на глаза, откинулся на спинку сидения.

Старший лейтенант выпрыгнул из машины, прошелся, размял ноги. Многие также прогуливались у своих машин, БТР и прочей техники. От Автоперевязочной впереди и сзади по дороге стояла техника. Большая силища двинулась воевать... Внимание Александра привлекла не виданная им ранее боевая техника – за двумя машинами впереди стоял «танк», но стволов у него было четыре – спаренные крупнокалиберные пулеметы, устремленные в небо.

– А это что за зверь? – обратился он к стоящему поодаль старшему лейтенанту в полевой форме.

Тот охотно заговорил, видимо, соскучился по общению:

– А это, доктор, – гроза всех «духов», страшная «Шайтан-Арба». Они ее так называют. А вообще-то это «Шилка». Используется для борьбы с самолетами, но поскольку у душманов их нема, то удачно стали применять и против наземных целей. Я ее просто обожаю! Отличная боевая техника! Правда, очень жарко внутри, когда она долго «работает» из всех четырех стволов. Говорят, до 50 градусов поднимается температура. Я сам, правда, не испытывал подобного. Передаю, что слышал. Ее даже фотографировать нельзя, секретное оружие считается. Все фотки на таможе отбирают, если найдут. – Он протянул руку, представившись, – Погута Иван, командир взвода из 1-й роты. А ты, док, из медроты?

– Невский Александр, хирург из медицинской роты. Первый раз сегодня выехал, недавно по замене приехал. Что посоветуешь, поди, не первый раз на боевых?

– Это точно, второй год уже разменял. Сбилса со счету, сколько раз выезжал. Ни царапины, ни болезни не было. Я – заговоренный. Я тебе пожелаю выполнить три главных условия успешной службы здесь: не наступить на мину; не попасть снайперу на мушку; не подорваться на фугасе. Ну, а страшнее всего первый обстрел: все кругом гудит, ревет. Если бьют реактивными снарядами и слышишь, как они свистят, значит, будешь жить – это не твои – перелетят через голову. Осколки у эрэсов, чтобы знал, идут в ту же сторону, откуда прилетают снаряды. Это не мины. Все остальное – ерунда. – Он достал сигареты. Закурили.

Подшли еще три офицера в камуфляже и бронежилетах, молодые, загорелые до черноты ребята. Кивнули друг другу в знак приветствия. Они, видимо, продолжили начатый разговор. Самый высокий, спортивного телосложения, в начищенных до блеска хромовых сапогах, перебросив автомат из руки в руку, заговорил:

– Я помню, как в Кандагаре, во время встречи с пленными «духами» среди прочих вопросов задал им такой: «Что бы сделали со мной, если бы захватили в плен?» Им перевели. «Вас бы не убили. Пленников продаем и на эти деньги покупаем оружие». Я спросил, за сколько бы меня продали? Они пошептались. «За три миллиона афгани», – сказал один из них. Я их спрашиваю, мол, а это много – три миллиона? «Стоимость трех десятков автоматов». Вот как меня оценивают. А вообще, прейскурант на человеческие души у них всегда в уме. За жизнь летчика – миллион афгани. Полковник стоит восемьсот тысяч, подполковник – на триста тысяч меньше. Капитан – двести, лейтенант – сто тысяч.

– Что ж, Серега, они тебя так оценили, ты же только капитан? Наверняка за генерала приняли, – ухмыльнулся один из подошедших, крепыш среднего роста.

– Это они мне польстить захотели. Чувствовали, собаки, что могу их всех на месте порешить, – капитан зло сплюнул. – Нагрянули тут афганские офицеры из безопасности, из ХАДа, увели гадов. – Ладно, на мой век еще хватит «духов».

– Сергей, а чего ты все в сапогах ходишь? Не надоело в Союзе носить? Жарко ведь! – вступил в разговор третий, сухощавый, усатый офицер.

– Ничего ты не понимаешь! Русский сапог ногу стягивает, тем самым человека дисциплинирует. Наши отцы и деды ведь не дураки были. В этих сапогах вон, какую страну построили, великую войну выиграла. А сейчас?! Бьют нас в хвост и гриву, потери большие, да еще теряем бойцов в разных несчастных случаях. А отчего эти случаи – дисциплины надлежащей нет!

– Да вся наша жизнь сейчас – один сплошной несчастный случай, – поддержал разговор крепыш. – А я смотрю, тебе нравится воевать.

– Как настоящий воин, я ненавижу войну. Но я буду исполнять приказ и буду убивать без радости, но и без угрызения совести. Это враги... Ладно, пошли по местам.

Офицеры пошли вдоль колонны. Невский весь разговор слушал, затаив дыхание. Не удержался, спросил старшего лейтенанта, кто они.

– Я всех не знаю, но в сапогах был командир второго батальона. Он всегда в них ходит. Его даже прозвали «гусаром». Правда, не за сапоги. Лихой вояка. «Духам» спуску не дает. Мстит за погибшего в Афгане друга. Его аж колотит, когда о душманах говорит. Заметил, наверное?

Невский кивнул. По цепочке донеслась команда: «По машинам!» Офицеры наскоро пожали друг другу руки, побежали к своим машинам.

3

Колонна двинулась дальше. Старший лейтенант попытался вспомнить все, что читал после прибытия в Афганистан о городе Кандагаре. На ум приходили какие-то обрывки сведений.

Кандагар – город гранатов около песков нескольких пустынь. Бескрайние песчаные земли окружают город: Пустыня смерти (Дашти-Марго), Пустыня отчаяния (Дашти-Наумид), наконец, Страна песков (Регистан) – дыхание этих пустынь ощущается на улицах Кандагара. В древности город назывался Александрия-Арахозия. Он был основан македонцами по пути в Индию.

Город играл и теперь играет огромную роль во всем Афганистане. Говорят же: «Кто владеет Кандагаром, тот владеет Афганистаном». Поэтому и борьба в этом районе идет более ожесточенная и бескомпромиссная, чем в любой другой провинции. Город снова хотят сделать столицей, как в древности. Кандагар не контролировался кабульскими властями полностью, в городе было двоевластие.

Зато в Кандагаре растут огромные и сочные гранаты. Невский вспомнил, как «старожилы» рассказывали о небывалых по величине плодах размером с детский мячик. С одного, мол, граната можно надавить полную кружку терпкого и вязкого сока. Очень хорошо утоляет жажду, является лекарством «от всех болезней». Чего только еще не наговорили об этих чудоплодах, выращенных в окружении пустынь!

Положение сейчас в Кандагаре не простое. Наши машины подбивают в городе среди бела дня, то тут, то там может неожиданно вспыхнуть яростная перестрелка. Случается, что наглотавшийся наркотиков «душман», может расстрелять в упор из безоткатного орудия танк или бронемашину. И тут же скрывается в придорожных развалинах. Не случайно по бокам дороги можно увидеть оплавленный асфальт. Город – сплошные руины. Все время стреляют. За жизнь

советского солдата, «шурави», как всех здесь называют, никто не даст и ломаного гроша, особенно за того, кому взбредет в голову пройти по улице без оружия.

Душманы рвутся захватить весь город. Однако торговцы хотят мира, они не довольны большими налогами, которые приходится платить мятежникам...

Крестьяне хотят прекращения военных действий. Согласны платить налоги кому угодно, лишь бы не было убийств и крови. Из страха выполняют волю мятежников.

В 33 уездах и 8 волостях провинций Кандагар, Заболь, Урузган и Гильменд из 6245 населенных пунктов под частичным контролем народной власти находятся лишь 482 кишлака.

В Кандагаре действует женская террористическая группа с задачей уничтожения афганских должностных лиц и советских военнослужащих...

Невский невольно вздохнул, вспомнив промелькнувшие в голове отрывки из газетных статей. Газетами «Красная Звезда» и «Фрунзевец» снабжали регулярно. Но даже в этих газетах всей правды не писали. Приходилось читать «между строк».

Александр переключил внимание на проплывающую за окном картину. Смотрел во все глаза. В придорожных кишлаках стены домов густо, словно оспинами, иссечены пулевыми отметинами, в глинобитных дувалах зияют провалы. Машина проехала мост через неширокую речку. Мост охраняли наряд белуджей (так пояснил Невскому его всезнающий водитель). В белоснежных тюрбанах, с густыми иссиня-черными бородами они увешаны самым разнообразным оружием – карабинами, автоматами, пистолетами, крест-накрест перетянуты патронными лентами. Вместе с молоком матери впитывают они любовь к оружию. В бою промаха не знают. Белуджские племена стойко защищают свою территорию, активно помогают новой власти.

За мостом на обочине чернеет обгорелый остов бронетранспортера. Чуть поодаль в капонири стоит танк. Ствол его пушки направлен в сторону гряды синеющих на горизонте невысоких холмов – оттуда можно ждать опасности.

Техника начала втягиваться в Кандагар. Колонну в город пропускали по особому режиму – каждую машину отдельно с интервалом в несколько сотен метров, на максимальной скорости. Одиночные машины мчались на бешеной скорости, словно по огненному коридору.

По совету водителя, Невский выбрал себе сектор, за которым наблюдал, направив туда ствол своего автомата АКСУ.

Что стало с некогда красивым шумным городом, второй столицей Афганистана? Дорога разбита, город в пыли, как в молочном тумане, многие кварталы разрушены, очень мало людей на улицах. По слухам, население Кандагара за эти годы сократилось почти в два раза.

Лихо вращая баранку, стремительно проносясь по городу, водитель Рустам успевал еще давать пояснения Невскому:

- На этом месте недавно танк сожгли, – показал он старшему лейтенанту.
- А здесь, где асфальт разворочен, на фугасе подорвалась бронемашина.
- А из этих камышей неделю назад моих земляков обстреляли, одного убили.

Невский вертел головой и лишь крепче сжимал свой автомат.

– А сейчас мы вообще гиблое место проезжаем – площадь с пушками, видите, старинные пушки установлены? Это еще после войны с англичанами остались. Три войны было у них с афганцами, все проиграли. И чего мы-то сунулись? Ребята прозвали это место площадь Пушкина. Смешно звучит, да?

Невский кивнул головой. Действительно, имя великого поэта как-то не вязалось с этим местом. Рустам называл и другие «гиблые места» города: Черная площадь, афганский ГСМ, выезд из города.

Наконец, Автоперевязочная, вылетев из города, стала замедлять ход, а потом и совсем остановилась. Передние машины стояли. Ожидали хвост колонны. На этот раз прошли через город без потерь.

4

Невский перевел дух, расцепил побелевшие пальцы и отложил в сторону автомат.

– Ну, Рустам, ты и гнал! А чего это все мчались с такой скоростью? Вроде не стрелял никто.

– Потому и не стреляли, что все быстро мчались – трудно прицелиться в таких условиях... Это уже проверенная тактика передвижения по городу. Я тут не первый раз уже проезжаю. А вообще, товарищ старший лейтенант, все самое трудное только начинается. Есть еще знаменитое местечко. «Нагаханский поворот» называется. Практически не проходили там без обстрела. И почему там не сделают постоянный блок пост?

– А сейчас мы где стоим?

– Это «Голубые купола». Видите эту мечеть? Тоже дрянное место. А дальше можно будет увидеть «Элеватор». Там постоянно размещена одна наша рота из 70-й бригады. Живут там днем и ночью. Выезжают на сопровождение колонн, посты охранения выставляют. Постоянно, как под увеличительным стеклом себя чувствуют, мне земляк рассказывал. «Духи» за ними в бинокли и всякие наблюдательные трубы следят. Ведь, сволочи, что удумали: у наших перед приемом пищи там всегда в колокол ударяли (как на корабле), так они отследили место столовки, и регулярно стали туда мины класть во время обеда. Многих осколками посекло. Пришлось отменить «колокольные позывные».

– Какие страсти ты, Рустам, рассказываешь! Прямо мороз по коже.

– А ты откуда родом? – первым заговорил старший лейтенант.

– Я из Дагестана, из Махачкалы. Кумык по национальности. Мой народ не большой, но очень известный! А вообще у нас очень много разных народов собрано в республике. Существует легенда, что когда Бог населял землю, то ходил с «лукошком» и выкладывал народы аккуратно по местам будущего проживания, но споткнулся о Кавказские горы и высыпал там сотни разных народов, однако не стал уже ничего переделывать. Так и живем все в одном месте. А вы были на Кавказе?

– Нет, не довелось.

– Вот после Афгана приезжайте ко мне в гости. Я вам все красоты Кавказа покажу. А вы знаете анекдот про русского и грузина? – Видя, что Невский помотал головой, он продолжил.

– Русский и грузин спорят, чей язык труднее выучить. Русский ругает за многочисленные обороты речи, за цветастые сравнения, за грамматику в грузинском языке. Грузин слушал-слушал, а потом говорит: «У вас, русских, вообще невозможно запомнить написание слов! Например, слово „квас“ пишется вместе, а слово „к вам“ – отдельно!».

Невский прыснул от смеха. Видя такую реакцию, довольный водитель собрался еще рассказать что-нибудь смешное. Но в этот момент колонна начала движение. Сразу став серьезным, Рустам тронулся вслед за БТР с бортовым номером 114. Невский, чуть привстав, заметил широкий «зад» солидной «Шилки». Стало сразу спокойнее на душе – серьезная боевая машина не оставит без защиты.

Постепенно скорость стала нарастать. Все БТР навели свои пулеметы «елочкой»: вправо и влево от дороги. Мощная башня «Шилки» повернула четыре ствола в сторону скалистых высот. Невский вновь крепко сжал в руках автомат. Ехали молча, лишь водитель что-то изредка бормотал негромко на своем наречии.

«Элеватор» проскочили очень быстро, Невский не успел толком ничего рассмотреть. По краям дороги кое-где стояли танки и БТРы – боевое охранение проходящей колонны. Начинаясь так называемая «зеленка», так назвал ее водитель («зеленая зона» – участок, засаженный виноградниками, деревьями, буйно разросшимися вдоль небольшой речушки, дающей живительную влагу в эти изнывающие от жары места).

Обстрел начался внезапно, сразу в нескольких местах. Затрещали автоматы, «солидно» застучали крупнокалиберные пулеметы бронетранспортеров, пушки боевых машин пехоты (БМП). Старший лейтенант силился хоть что-нибудь рассмотреть и понять в происходящем. Густой сизый дым окутал все вокруг, водитель что-то кричал, бешено вращая баранку, но из-за грохота слов его нельзя было разобрать.

Из скалистых невысоких нагромождений раскаленная струя газа и огня вонзилась в колонну боевой техники, с оглушительным треском взорвалась внутри БТР с бортовым номером 114. Бронетранспортер сразу сбавил скорость, завилял и съехал в кювет, из него стали выскакивать, вылезать или выползать с помощью других, вооруженные люди с перекошенными лицами, с широко открытыми кричащими ртами, впрочем, слов все равно было не разобрать. Все это Невский рассмотрел в доли секунды, пока их Автоперевязочная, чуть притормозив, стала объезжать подбитую технику, продолжая движение дальше. «А раненые?!» – прокричал он водителю, почти приблизив свое лицо к нему, но тот понял и прокричал в ответ: «Нельзя останавливаться! Колонна должна мчаться вперед, иначе всем „крышка“. Есть, кому помочь!».

И тут «заговорила» грозная «Шилка». В доли секунды она «срезала», как ножом, все деревья вдоль дороги толщиной с человеческую руку, отчего они плавно улеглись кронами от дороги, освободив сектор стрельбы. Чудовищная скорострельность позволяла посылать в один миг множество раскаленных «шмелей», уносившихся в сторону гористых вершин. «Шилка» остановилась, продолжая поливать свинцом, а медицинская машина вместе с другой техникой помчалась дальше.

Старший лейтенант никак не мог отделаться от впечатления, что все это происходит не с ним, что все это он смотрит на большом экране в кинотеатре. Кажется, он даже перестал дышать...

Постепенно стрельба сзади стала стихать, замолчала и «Шилка». Теперь она, наверняка, войдет в самый любимый вид боевой техники Невского. Заметив, что давно уже не дышит, Александр судорожно стал схватывать ртом воздух, отдышался, стал успокаиваться. «Вот это, да!» – так и хотелось сказать. Как ни странно, но страха не было, не успел даже испугаться. Были какой-то азарт и восторг (щенячий, что ли?).

Колонна, как и прежде, плавно мчалась по бетонке. Люди приходили в себя, вылезали на броню БТР. Закуривали. Теперь Автоперевязочная ехала непосредственно за бронетранспортером без башни («Чайка» – машина связи комбрига, – пояснил водитель).

– Это и был тот самый поворот, Нагаханский что ли? – с трудом выговорил Невский название.

Рустам кивнул. Одной рукой удерживая руль, он закурил сигарету без фильтра («Смерть на болоте» – вспомнилось солдатское название этих «Охотничьих» сигарет, что выдавались рядовому составу. Были еще «Нищий с палкой» – так окрестили «Памир». Офицерам чаще выдавали с фильтром «Столичные» или «Космос». Впрочем, часто их не хватало, тогда довольствовались такими же). Невский тоже начал дымить...

Дальше колонна повела себя странно: вместо того, чтобы ехать по гладкой бетонной дороге, по краям которой стояли высоковольтные металлические опоры с оборванными проводами, она начала сползать в пустыню («зеленка» давно закончилась), техника поползла по неровной бугристой местности, тяжело переваливаясь на ухабах. Сползла и машина медиков, тяжело подпрыгивая, на неровной почве. Невский обратил внимание на оторванную и перевернутую башню танка (сам корпус лежал кверху гусеницами поодаль), загородившую дальнейший проезд по ровной дороге и своим стволом указывающим в пустыню, словно направляющим по безопасному пути дальше.

– На фугасе подорвался, башня метров на десять улетела, – скупо пояснил водитель, выбрасывая в окно окурки.

Машины из колонны начали разъезжаться по пустыне веерообразно, даже обгоняя друг друга. Невский уже ничего не понимал. Вскоре вырисовались несколько направлений движения. Каждая машина ехала в строго определенном направлении. Боевая операция началась: подразделения приступали к выполнению своих задач.

5

Автоперевязочная расположилась в «чистом поле», на удалении от остальной техники, составляющей управление 70-й бригады, поближе к месту, определенному для посадки вертолетов. Повсюду кипела работа: устанавливали палатки, возводили «лес» из антенн (телескопические трубы тянулись в небо), по периметру расставлялась боевая техника для охраны: танки, БТР, «Шилки». Всюду сновали офицеры, солдаты.

Многоопытный фельдшер Слава Табачников взялся руководить работой маленькой медицинской группы. Старший лейтенант Невский с благодарностью принимал его советы. Прежде всего, поставили палатку УСТ (универсальную санитарно-транспортную) для временного укрытия раненых от палящих лучей солнца. Около своего автомобиля соорудили из брезента навес, создав хоть какое-то подобие тени. Санитарные носилки, уложенные на крыше Автоперевязочной, разложили в палатке и поставили рядом под навесом – при первой необходимости их быстро можно взять. Невский занялся работой в салоне – проверил подвижность операционного стола (по желанию его можно было поднимать– опускать и даже перемещать в горизонтальном направлении), проверил подачу кислорода из большого баллона, проверил и маленькие кислородные ингаляторы КИ-3М. Все работало исправно – езда по тряскому бездорожью не вывела из строя технику.

Старший лейтенант невольно прислушивался к разговору подчиненных.

– Слышь, Славик, а ты при обстреле сегодня не наложил в штаны? Наверное, упал на пол в салоне и под операционный стол залез?

– Сам ты веник! – невозмутимо отвечал фельдшер, поправляя очередной колышек у палатки. – Я, между прочим, даже стрелял из автомата через форточку.

– Ага, «в белый свет, как в копеечку» стрелял. Что ты там мог видеть?! Я вот ни капли не сдрейфил, не в первый раз под огнем...

– Я тоже не первый день замужем! Раз семь уже ездил в рейды. С тобой вот только первый раз. Посмотрим, что ты за гусь. Сходи лучше к своим землякам. Узнай, что там после обстрела, за одно и разведай на счет «хавчика». Собираются нас тут кормить или на подножном корме до обеда?

Рустам кивнул, захлопнул дверцу кабины и потрусил к скоплению палаток и машин с будками.

Солнце поднималось все выше, было около 9 утра, нарастала и жара, спасения от нее не было нигде. Невский и Табачников уселись в тени навеса на складные стульчики, подставляя лица под легкие порывы ветерка. Впрочем, воздух был почти не подвижен.

– Как же можно еще и воевать в такую жару? Приходится и бегать, и ползать, и стрелять. Ума не приложу!

– Да, товарищ старший лейтенант, тяжела участь солдата! Я успел побыть в их шкуре, до сих пор не пойму, как выжил. Это здесь, в медроте, я так «забурел», живу, как на курорте, забыл о настоящей службе. У меня там друзья в батальоне оставались по прежней службе. Почти все уже или погибли, или ранены. Кому нужна эта проклятая война?

– Ленина не читал, что ли? Война – это продолжение политики только иными средствами. Ты представляешь, как сейчас работают военные заводы?! Выдают на гора оружие и технику, взрывчатку. И не только в нашей стране. Кто-то хорошо наживается на этом. Как в поговорке: «Кому война, а кому – мать родна!»

– А я вот читал, что даже создатель динамита Нобель крайне отрицательно относился к любым боевым действиям. Незадолго до смерти он заявил, что «война является ужасом из ужасов и самым страшным преступлением». Он еще говорил: «Мне бы хотелось изобрести вещество или машину, обладающие такой разрушительной мощностью, чтобы всякая война стала невозможной».

– Ну, пока этого, к сожалению, не произошло.

– Что там узнал? – обратился Невский к возвратившемуся водителю.

Тураев, обмахиваясь панамой, переводил дух:

– Есть уже убитые и раненые, даже тяжело. Перед нами БТР подбили, помните? Там сразу погиб, попал под выстрел гранатомета, старший лейтенант. Погута, кажется его фамилия, командир взвода, а вместе с ним еще ребята из этой пер вой роты. Трое ранены (два тяжело – в живот и грудь), один убит – Тафель Женька. Я его хорошо знал, часто к ним в роту ходил, земляк там мой служит. Всех уже отвезли к Элеватору, туда и «вертушка» прилетала.

Невский сразу вспомнил этого старшего лейтенанта. Кажется, совсем недавно беседовали с ним. Он еще называл три главных условия успешной службы в Афгане: не наступить на мину, не попасть снайперу на мушку, не подорваться на фугасе. А сам вот погиб от гранатомета, о нем-то забыл совсем в своих «условиях». Стало очень горько на душе. Это первая смерть на войне, коснувшаяся его недавнего знакомого. Рустам между тем продолжал рассказывать о новостях: началась проческа кишлаков, они взяты в «колечко». Пока все в порядке. Кормить начнут только с обеда, пока распорядились использовать «сухпай». У него земляк на полевой кухне работает, обещал оладьи к обеду подать.

Солдаты занялись приготовлением завтрака: выкопали ямку, в ней аккуратно развели в металлической баночке огонь из припасенной для этого «горючки», разогрели кашу с мясом в банках, вскипятили чайник. Поели при полном молчании. У всех из головы не выходили недавно погибшие ребята...

Перекусив, Невский забрался в салон машины, открыл обе боковые двери для проветривания. Прохладнее не стало.

Время летело незаметно. Раненые не поступали. Когда от жары уже, казалось, начинал «закипать» мозг, Александр набирал из большой сорокалитровой емкости воду в кружку, поливал на голову. Становилось легче.

Ближе к 13 часам забежал к ним посыльный – приглашал офицеров на обед в большую палатку. Объяснил, что рядовой и сержантский состав обедает во вторую очередь. Есть совершенно не хотелось, но ребята уговорили его «сходить на разведку». Одевшись по форме, старший лейтенант пошел к указанной палатке.

Найдя свободное место, он сел рядом с офицерами. Ему тут же принесли дымящиеся щи, кашу рисовую с мясной тушенкой и чай с настоящими оладьями. Невский буркнул: «Как на курорте кормят». Капитан с эмблемами артиллериста на полевой форме охотно поддакнул. Стал рассказывать, что в рейдах он всегда наедается «от пуза», не то, что в бригаде. Видимо, здесь все же лучше готовят, да и обстановка другая. Невский рассеянно слушал, кивая головой. Рассматривал офицеров в палатке. За отдельным столиком узнал подполковника – командира бригады, рядом с ним сидел начальник штаба. Они что-то оживленно обсуждали, не переставая работать ложками.

Александр съел все. Обед понравился. Отнес грязную посуду и вышел из палатки. Своим водителю и фельдшеру он обстоятельно доложил об обеденном меню. Оба радостно закивали головами в предвкушении. Скоро они пошли тоже перекусить.

6

Первых раненых привезли под вечер. Еще задолго до их появления, Рустам предупредил – везут раненых. Это он определил по большому столбу пыли, быстро приближавшемуся к месту управления бригады. Действительно, два бронетранспортера на большой скорости подлетели к их санитарному автомобилю. Из «нутра» БТР бодро выпрыгнул офицер в полевой форме и бронежилете с лихо заломленной на затылок панамой. Он представился, как замполит роты, старший лейтенант.

– Принимай, док, пять «трехсотых» и два «двухсотых». Снайпер, сука, прямо в голову обоих уложил. Говорили им перед рейдом: «Не снимайте каски!» Нет, не слушают. Жара, видите ли. Вот и получили в лоб. Жалко ребят, только недавно приехали в бригаду, первый рейд у погибших. Что я их родителям теперь должен писать? Меня командир роты вечно на такие дела «напрягает». – Он смачно сплюнул, достал сигареты. Повернулся к бронетранспортерам и прокричал: «Выгружайтесь!»

Невский с фельдшером двинулись к транспортерам. Все пятеро раненых оказались ходячими, самостоятельно вылезли и прошли к Автоперевязочной, расселись под навесом. Они еще были в «горячке боя», обсуждали недавние события, жадно пили предложенную воду. Слышался нервный смех людей, переживших смертельную опасность.

Из второго БТР выгрузили тела двух погибших солдат. У обоих было одинаковое удивленное выражение лица, широко раскрытые глаза смотрели в небо. На лбу зияли круглые с запекшейся кровью дырочки. Слава первым делом привычным движением смежил им веки, они послушно «уснули навеки».

– Совсем недавно погибли, еще нет окоченения, – обронил он, ни к кому не обращаясь.

Двое солдат из легкораненых помогли уложить погибших на носилки, перенесли их в палатку. Невский переписал их данные. Старший лейтенант пожал на прощание руку, бронетранспортеры быстро умчались.

По очереди врач осматривал раненых в салоне автомобиля. Снимал промокшие от крови и пота грязные бинты, проводил ревизию и «туалет» ран, обкалывал их антибиотиками, накладывал асептические повязки. У двух раненых были пулевые ранения мягких тканей плеча, а у трех – осколочные ранения мягких тканей груди, спины и предплечья. На каждого врач заполнил первичную медицинскую карточку формы 100, записывая проведенные мероприятия. Укладываясь на операционный стол, ребята шутили, бодрились, старались «держать марку». Впрочем, им всем повезло – кости не были задеты, заживление пройдет хорошо, оставалось удалить в условиях стационара пули и осколки (впрочем, одну пулю Невский удалил сам, нащупав ее зажимом). Раненый был чрезвычайно рад, показывал всем свой трофей, говорил, что сделает из него кулон на шею.

Пока Невский занимался обработкой раненых, приходило несколько офицеров из управления бригады, из политотдела, из особого отдела. Каждый опрашивал пострадавших, выяснял обстоятельства гибели их товарищей.

Вертолеты МИ-8 прилетели примерно через полтора часа. Один из них приземлился, в него погрузили раненых и убитых.

После ужина, когда стало стремительно темнеть (в южных широтах это происходит удивительно быстро), было назначено совещание всех руководящих офицеров подразделений. Командир бригады подвел итоги первого дня рейда, назвав их хорошими. Он по-прежнему требовал выполнять боевую задачу, не взирая на потери в личном составе. Было заметно, что приехавшие на совещание офицеры из боевых подразделений собираются высказать несогласие с последним тезисом его выступления, но комбриг не захотел их выслушать.

В заключение было объявлено расписание дежурств офицеров, входящих в управление, по проверке постов охраны. Невскому досталось дежурить предстоящей ночью с 2 до 3 часов. Он внимательно ознакомился с инструкцией, согласно которой предстояло в эти часы обойти посты охраны. Были перечислены посты, названы пароль и отзыв. Он узнал, кого сменяет, и кто сменит его.

7

До двух часов ночи можно было отдохнуть. Водитель и фельдшер легли на носилках в палатке, а Невский разместился в салоне на операционном столе. Сон не шел, слишком богат был день на события, в течение дня получено немало отрицательных эмоций, переутомился, наверное. Вспомнил лекции по психотерапии. Говорилось, что для того, чтобы снять стресс, понадобится всего 10–15 минут. *Первое:* не думать о неприятностях. *Второе:* внушайте себе, что все трудности сегодняшнего дня уже позади. *Третье:* думайте о чем-нибудь приятном (Невский стал вспоминать дом, жену, дочь). *Четвертое:* погладьте себя по макушке, напевая полюбившуюся мелодию (Невский даже хмыкнул, представив себя со стороны. Сумасшедший дом!). Но как ни странно, постепенно успокоился. Удалось уснуть.

Его разбудил чей-то настойчивый голос, кто-то тряс за руку: «Кончай ночевать! „Вставай“ пришел!». Будил его старший лейтенант Вадим Семка, пришло время дежурства.

Невский бодро вскочил, четыре часа сна хорошо освежили его. Внимательно выслушал офицера, тот был освобожденным комсомольским работником, говорил четко, отрывисто, разжевывая все до мелочей – так привык разговаривать со своими солдатами в батальоне.

– Обойдешь по периметру две «Шилки», три танка, три БТР. Смотри, чтобы не спали. Проверь правильность отзыва, не забыл? «Курок». А ты им говоришь пароль «Курск». Заметишь нарушения, снимай с дежурства! Не вздумай «забуриться» к соседям. Помнишь, там справа стоит управление дивизии наших «зеленых» союзников? Еще не разберутся, «шмальнет» какой-нибудь вояка из автомата. Случай уже бывали. Ну, давай покурим на прощание.

– Давно здесь служишь? – Невский принял протянутую сигарету, выпустил облачко дыма.

– Считаю, я – «дембель», третий год пошел. Жду заменщика, через неделю-две буду паковать чемоданы. Ох, и посмотрелся я за это время всякой дури! Комбриг явно выслуживается, полковника досрочно получить хочет. Вот и посылает парней на убой. Вроде уже ушло на него представление в Москву. Скоро «папаху» получит. Молодой совсем, 34 года. У него папаша в Генеральном Штабе служит, можно так воевать – все спишут. Завтра вообще «мясорубка»

будет. Так что, доктор, готовь побольше бинтов и йода. Не знаю, что там вы еще используете. Поверишь ли, я за все это время царапины не получил, в пекле бывал. И ничего. Бережет меня Бог. Переболел только желтухой.

– Ты же комсомолец главный, а о Боге говоришь...

– Одно другому не мешает. Тут и в Бога, и в черта поверишь, когда под обстрелом побываешь. Ладно, пошел я. Держи «краба». – Он протянул крепкую сухую ладонь, сильно сжал. – Удачи тебе, док, и на дежурство, и на всю последующую службу. Не бойсь, прорвемся.

Он бросил сигарету, прочертившую в темноте красноватый след, и сразу исчез. Невский невольно вспомнил разговор с погибшим недавно офицером. Тот тоже похвалялся, что заговоренный от смерти. Мысленно пожелал Семке удачи и скорого возвращения в Союз.

Темнота стояла абсолютная, можно сказать «чернильная». Луны на небе не было. Только миллионы звезд, сгруппировавшиеся в незнакомые южные созвездия подмигивали со своей высоты. От такого «освещения» толку мало. Невский прихватил приготовленный накануне фонарик, подсвечивая под ноги, двинулся по маршруту.

За час предстояло обойти восемь постов охраны. Вспомнив схему размещения, уверенно двинулся к первому танку, что находился неподалеку от санитарной машины. Действительно, через сотни две шагов стал подходить к угадываемой в темноте громаде, еще издали, ощутив сильные запахи остывающего металла, солянки и пороховой гари.

– Стой, кто идет! Пароль! – раздался грозный окрик невидимого в темноте человека.

– Курск!! – как-то сразу смутившись, прокричал старший лейтенант. Впервые в своей жизни он проверял боевое дежурство да еще в боевых условиях. Было, отчего прийти в замешательство. А вдруг его не услышат и стрельнут в ответ. Лишь услышав в ответ «Курок», он успокоился. Подошел вплотную. Только сейчас он разглядел на броне ссутулившуюся фигурку часового с автоматом. Тот сидел, привалившись к башне танка, надежно прикрыв свою спину.

– Рядовой Мухаметшин, первый танковый взвод! – отрекомендовался боец. Голос был абсолютно бодр и тверд.

– Старший лейтенант Невский, медицинская рота, – назвал себя в ответ.

Коротко переговорив, Александр пошел дальше, уточнив у рядового расположение соседнего поста. Так, не спеша, он обошел еще три БТР, танк и «Шилку». Везде служба была поставлена на должном уровне, грозные часовые окрикивали в темноте. Невский называл пароль, дожидаясь отклика. Это даже начинало ему нравиться. Прямо, как в фильмах о войне, что любил смотреть в детстве.

Оставалось проверить последний танк и так полюбившуюся «Шилку». Ему почему-то казалось, что в такой машине могут ездить только «супермены», полулюди-полубоги. Очень удивился, когда, посветив фонариком, разглядел худенького малорослого часового из экипажа этой «Шайтан-Арбы», да и остальные члены экипажа, спавшие прямо на земле у своей «чудо-машины», не обладали богатырскими формами.

Танк опять заявил о себе издали своим специфическим запахом. Теперь, когда зрение почти не помогало, обоняние обострилось до предела. Даже ощущался запах редких сухих кустов верблюжьей колючки. Странно, но никто грозно не окликнул Невского. Подошел вплотную, даже уперся в броню. Тишина. На броне, прижавшись к башне, скрючилась фигурка. Никакого движения. Невский осторожно посветил слабым лучиком фонарика. Опустив голову на грудь, боец спал, слегка похрапывая. Автомат стоял между его раздвинутых ног. Старший лейтенант медленно протянул руку, взял автомат и беспрепятственно вынул его у часового. По-прежнему никакой реакции.

Это уже не нравилось. Вспомнились рассказы, как в рейдах, уснувшие часовые становились причиной огромных потерь – душманы резали ножами бесшумно «от уха до уха» целые спящие подразделения. Невский громко кашлянул. Сейчас же послышался слабый сонный вскрик: «Стой, кто тут стоит! Пароль!». Старший лейтенант даже невольно рассмеялся:

– Ну, ты даешь! Ты же спал!!

– Никак нет, не спал! Задумался малость...

– Задумался? А где твой автомат, часовой?!

Только сейчас солдат заметил отсутствие своего оружия. Сказать было нечего.

– Как фамилия, боец? – грозно произнес Невский. – Я буду вынужден снять тебя с поста, доложить твоему командиру танка.

– Рядовой Молодых. Пожалуйста, товарищ офицер, не снимайте меня с дежурства! Умоляю, не сообщайте командиру танка, сержанту Дыбко! Он меня просто убьет! Мне из-за моей фамилии итак проходу не дают. Я из нарядов не вылезаю. Вот и сейчас уже второе за ночь дежурство. Пожалуйста! – голос его предательски задрожал. Солдат тихо заплакал.

– Как зовут тебя? – тихо спросил Невский.

– Женя. – Он тут же поправился, всхлипывая. – Рядовой Евгений Молодых.

– Ладно, Женя. Я сделаю вид, что ничего не было. Держи свой автомат. – Боец схватил оружие и прижал его к себе. В свете фонарика мелькнуло его осунувшееся, полудетское

личико с крупными градинами слез на щеках (действительно, Молодых, невольно подумалось Невскому). – Что мне для тебя сделать? Может быть, накажем твоего сержанта за твои частые наряды вне очереди?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.